

О РЕФОРМАХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЕ

(Беседа сотрудника нашего журнала Бориса Шрагина с профессором Колумбийского университета Томасом Бернстином)

Повсюду, где бы ни приходили к власти коммунисты, они пытались скопировать устоявшиеся в Советском Союзе порядки. Чтобы представить себе, как складывается общественная жизнь в странах Восточной Европы, или на Кубе, или во Вьетнаме, или в Китае жителям Советского Союза, казалось бы, ничего больше не требуется, кроме знания как живут они сами. Такой взгляд на вещи, надо сказать, прочно закрепился не только у сторонников коммунистического строя, но и у его противников.

Советский Союз, каким мы его знаем сейчас, был построен, в основном, под руководством Сталина. И хотя после его смерти прошло уже больше тридцати лет, осталась все та же жесткая диктатура партии, все та же закостенелость единожды закрепленной догмы, все та же бюрократическая централизация управления хозяйством, все тот же консерватизм в сфере культуры. И эта неподвижность советской социально-политической системы тоже побуждает ставить знак равенства между сталинизмом и коммунизмом в его практическом воплощении.

Подобный „метафизический коммунизм”, в свою очередь, питает представления о незыблемости и неизменяемости соответствующих режимов. Создается представление будто „советская модель” в принципе не поддается реформам и не подвержена динамическим силам истории, будто эту модель, если она не работает, можно, в лучшем случае, только сломать, но не исправить. А поскольку сломать не удастся, сознанием людей ов-

ладевает неодолимый социально-политический пессимизм, апатия и склонность к бездействию, которые, в свою очередь, способствуют стагнации заведенных Сталиным порядков.

Полностью повторял эту устоявшуюся советско-сталинскую модель, — так, по крайней мере, казалось, — и коммунистический Китай. После победы коммунистов в 1949 году „вождем” Китая, „китайским Сталиным” сделался Мао Цзедун; как и в Советском Союзе, китайские граждане обязаны были затверживать наизубок его изречения; китайский „большой скачок” напоминал первые сталинские пятилетки; китайская „культурная революция” смахивала на советскую коллективизацию. Более того, поскольку эксцессы „культурной революции” совпали по времени с полосой послесталинской „оттепели”, у советских граждан могла даже сложиться иллюзия, будто в Китае — еще хуже, чем у них. Не без содействия официальной пропаганды формировалось даже несколько снисходительное отношение к китайцам как к народу совсем уж азиатскому, догматичному до абсурда, отсталому и бесчеловечному. Эти представления исподволь подкармливали советское великодержавие.

Но вот в 1976 г. скончался Мао Цзедун, а в 1978 г. к руководству пришел прежде опальный Ден Сяопин. Начались процессы, на первый взгляд тоже очень похожие на те, которые наблюдались и в Советском Союзе после смерти Сталина, в период XX и XXII съездов КПСС. Появились, постепенно нарастая, разоблачения „ошибок” Мао Цзедуна. Сотни тысяч людей, которые были арестованы или отправлены на принудительные работы в деревню, получали реабилитацию и возвращались на свободу. Но уже тогда непредубежденный наблюдатель мог бы заметить немаловажные различия между Китаем и Советским Союзом времен правления Хрущева. Критика загибов „культурной революции” была в Китае гораздо более прямой и смелой, чем когда-либо в Советском Союзе критика сталинских методов. Вчерашним жертвам преследований не только возвращалась свобода, но и руководящее положение в обществе. Наоборот, активные проводники маоцзедуновской политики подвергались общественному осуждению. В печати, в кино, на собраниях говорилось обо всем этом с такой откровенностью и резкостью, каких советское общество так и не достигло.

В советском Союзе, после смерти Сталина, руководство очень скоро пошло на попятную и заговорило о том, что ни к чему, мол, ворошить прошлое. Оно не нашло в себе ни мужества, ни мудрости, ни политического умения действительно отречься от сталинизма. Но тем самым тени прошлого, как страшные привидения, остались среди живых. Напротив, в Китае прямота критики с неизбежностью повлекла за собою практические действия, потребовала реальных гарантий, что прошлое не повторится.

Тут полезно будет напомнить, что критика сталинизма и его ужасающих последствий заходила гораздо дальше, чем в Советском Союзе и в некоторых странах Восточной Европы. Но в итоге всегда получалось одно и то же: являлись на сцену советские вооруженные силы, чтобы заморозить „статус-кво”. И можно сказать наверняка, что если бы подобным же образом московское руководство могло поступить и с Китаем, и в этой коммунистической стране процесс обновления не пошел бы дальше, чем в Венгрии, Чехословакии или Польше. Но, к счастью для китайцев, в данном случае, можно сказать, руки были коротки.

И вот, перспектива постепенно меняется. И начинает казаться, что уже не Советский Союз — это Запад по отношению к Китаю, а — вопреки географии — как раз наоборот. В то время как Советский Союз, не оправдывая посулов сменяющих друг друга „гениальных секретарей”, погружается в застойность, Китай все больше представляется молодой, динамичной, современной страной.

Тема моей беседы с профессором Бернстином — реформы в сельском хозяйстве Китая, которые были начаты в 1978 году и уже принесли определенные поддающиеся оценке результаты. В то же время, благодаря уникальному сочетанию знаний моего собеседника, удалось затронуть и проблемы советского сельского хозяйства.

Томас Бернстин — профессор политологии Колумбийского университета, член Института Восточной Азии при этом университете. Он читает курсы по внешней и внутренней политике коммунистического Китая, а также по сравнительному анализу марксистско-ленинских государственных систем. Последние годы научные

интересы Томаса Бернстина были сосредоточены на изучении китайских реформ в сельском хозяйстве. Но первоначально он получил образование как советолог при Русском институте Колумбийского университета. Он овладел русским языком раньше китайского. Его докторская диссертация была посвящена сопоставлению периодов коллективизации в Советском Союзе и в Китае. Томас Бернстин написал книгу о китайской молодежи, которая, согласно директивам Мао, направлялась на работу в деревню. Книга эта пока не опубликована.

Б. Шрагин

* * *

Можно ли сравнить состояние деревни в Китае и в Советском Союзе к тому моменту, когда в Китае началась политика реформ?

При подобных сравнениях всегда возникает проблема стадий. Эпоху Мао, которая закончилась в 1976 году, во многих отношениях можно сравнивать с эпохой Сталина, которая закончилась в 1953 году. Правда, многие из тех, кто писал в то время, были склонны подчеркивать различия этих периодов советской и китайской истории. Отношения между китайским крестьянством и Коммунистической партией Китая и тогда были несколько иные, чем между КПСС и советским крестьянством. Китайские коммунисты и тогда не были склонны эксплуатировать и угнетать крестьянство в такой степени, которая была характерна для Советского Союза при Сталине. Такое противопоставление, быть может, и не лишено оснований. Но все-таки и китайские коммунисты отдавали предпочтение развитию промышленности перед сельским хозяйством, стремились проводить индустриализацию за счет деревни, обирая крестьянство. Правда, опять-таки, — не с такой неимоверной жестокостью, как это делалось при Сталине.

В Советском Союзе, как мы теперь знаем, в 1932 году с целью подавления крестьянства был вызван искусственный голод; в Китае в период „большого скачка” тоже был голод в деревне. Но там это не было результатом сознательной поли-

ки. Повторяю, разница все-таки остается, и весьма существенная.

В Советском Союзе то была сознательно организованная война против крестьянства, как об этом достаточно откровенно говорил Сталин. А в Китае голод возник в деревне, скорее, из-за чудовищных просчетов руководства.

Со всеми этими оговорками, которые, впрочем, существенны, мы все-таки имеем основания утверждать, что к моменту смерти Сталина в 1953 году советское сельское хозяйство было в состоянии кризиса и точно так же в состоянии кризиса находилось китайское сельское хозяйство к моменту смерти Мао. И как Хрущеву пришлось принимать экстренные меры, то же самое пришлось делать и наследнику Мао — Дэн Сяопину.

Но если вы начали с такого сопоставления, то, может быть, будет логично его и продолжить. Что практически делалось для исправления положения в сельском хозяйстве Советского Союза, с одной стороны, и в Китае — с другой стороны?

Да, такое сравнение, действительно, очень интересно, поскольку различия оказались весьма значительными.

И в Китае, и в Советском Союзе партийное руководство пыталось что-то сделать. Хрущев, в первую очередь, повысил закупочные цены на колхозные поставки. Он же предложил такие гигантские проекты, как например, освоение целины. Проводилось при Хрущеве также и множество разнообразных административных мероприятий, — таких, например, как ликвидация МТС в 1958 году. Но крупных капиталовложений в сельское хозяйство при Хрущеве не делалось: их было явно больше, чем при Сталине, но все-таки сравнительно немного. При Брежнев политике в этом отношении переменялась. В сельское хозяйство были вложены огромные средства. Специалисты подсчитали, что эти затраты достигали 27% всех капиталовложений, которые делались в это время в Советском Союзе. В результате доходы советского сельского населения, несомненно, повысились. Однако, несмотря на огромные затраты, сельское хозяйство, как мы знаем, так и не вышло из состояния хронического кризиса, о причинах которого можно спорить. Некоторые

мои коллеги в Колумбийском университете, например, считают, что всему виной капризы погоды. Но мне все-таки кажется, что такое объяснение недостаточно, что главной причиной неудач остается устойчивое нежелание советского руководства осуществить децентрализацию управления сельским хозяйством. При Хрущеве колхозы были укрупнены, а часть из них превращена в совхозы. Единицы сельскохозяйственного производства оказались в результате гораздо крупнее, чем ферма американского Среднего Запада. Но в итоге задачи управления стали настолько громоздки, что огромные суммы затраченных денег оказались, по большей части, бесполезны и пропали зря.

В Китае после смерти Мао Цзедун тоже были повышены закупочные цены на сельскохозяйственные поставки, как и при Хрущеве. Но сделано это было только один раз. Не проводилось в Китае и таких крупных капиталовложений в деревню, как при Брежнев. Причина этого очень проста: у китайского коммунистического правительства не было денег. Давались на этот счет обещания, но фактически дальше обещаний дело не пошло.

Китайское руководство решило пойти по пути структурной реорганизации деревни. Задача была сформулирована резко и прямо. Используя марксистскую терминологию, китайцы признали, что сложившиеся в сельском хозяйстве производственные отношения превратились в тормоз для эффективного использования и развития производительных сил. И, если судить по успехам, которые были после этого достигнуты, они были абсолютно правы. Иначе говоря, коллективные хозяйства, даже если они объединяют всего только от тридцати до сорока дворов, оказываются слишком громоздкими, чтобы использовать имеющуюся рабочую силу, чтобы побудить крестьян трудиться с полной отдачей и проявлять инициативу на протяжении всего сельскохозяйственного цикла.

Именно эта проблема была поставлена в Китае как центральная.

Надо сказать, что главной причиной, которая подстегивала решимость китайского руководства и понуждала его к немедленным действиям, к смелым экспериментам по децентрализации управления сельским хозяйством, была нищета деревни. В 1978 году китайское руководство открыто признало, что от 100 до 150 миллионов крестьян страдает от недоедания, что це-

лые районы Китая охвачены хроническим голодом.

Тогда, в качестве экстренной меры, было разрешено коллективным хозяйствам заключать контракты с единоличными хозяйствами, — с тем, чтобы вновь превратить единоличный крестьянский двор в основную производственную единицу в сельском хозяйстве. Очень скоро практика подтвердила, что эта перемена в производственных отношениях приносит плоды. За несколько лет новая система распространилась по всей стране, захватив также и богатые районы, где, как и в Советском Союзе, еще прежде была достигнута высокая степень механизации, — например, на Северо-Востоке, в Маньчжурии.

Как выглядят отношения между коллективными и единоличными хозяйствами в Китае после проведения реформы?

Формально земля продолжает принадлежать коллективным хозяйствам, но она раздается внаем единоличникам. Владение землей отделяется, таким образом, от практического распоряжения ею. Отдельное крестьянское хозяйство уплачивает сельскохозяйственный налог, который, надо сказать, очень невелик; кроме того, на единоличное хозяйство возлагаются обязательные поставки. Единоличник выплачивает также коллективному хозяйству своего рода ренту, которая идет на покрытие коллективных расходов. Но все, что остается после этих обязательных выплат, полностью принадлежит индивидуальному хозяйству и единоличник может распоряжаться своими доходами, как он сочтет для себя выгодным. Таким образом, крестьяне получают реальный стимул производить как можно больше.

Но ведь в коллективном владении до реформы в Китае, очевидно, находилась не только земля. А как быть с удобрениями, сельскохозяйственной техникой, стадами скота, которые принадлежали коммунам?

Тут, несомненно, возникают серьезные противоречия и далеко не все окончательно решено. На этом особенно склонны настаивать те элементы китайского общества, которые вовсе не в восторге от проводимых реформ. Они любят подчеркивать, что определенная часть собственности, которая продолжает нахо-

диться в ведении коллективных хозяйств, терпит явный урон.

И, действительно, тут возникают иногда тяжелые проблемы. Об этом можно прочитать в китайской печати. Например, это относится к вопросам о будущем ирригационных систем, от которых зависит сельское хозяйство многих районов Китая. До сих пор эти системы управлялись коллективными хозяйствами, но теперь крестьяне-единоличники предпочитают делить их на части. Быть может, с точки зрения общей эффективности ирригации это и не очень рационально, но крестьяне явно предпочитают ставить на первое место интересы своего собственного хозяйства.

Отвечая на ваш вопрос, я бы считал нужным подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, китайское сельское хозяйство до сих пор остается на таком уровне развития, когда решающую роль по-прежнему играет ручной труд. Количество применяемой техники остается незначительным. Поэтому сравнительно легко произвести раздел коллективного хозяйства: там на данной стадии есть не слишком много такого, что приходится делить.

С другой стороны, в Китае применяются сейчас организационные механизмы, которые позволяют сохранять и поддерживать коллективную собственность. Допустим, сельскохозяйственная коммуна имеет трактор, но теперь она может сдавать его в аренду единоличникам, — так же, как и землю. Или — еще более эффективно — трактор сдается по контракту в аренду какому-нибудь одному хозяйству, а оно, в свою очередь, обслуживает этим трактором нужды соседей — опять-таки, за определенное вознаграждение. Сельскохозяйственная техника, собственность на которую остается, таким образом, в основе своей коллективной, получает при этой новой системе наилучший уход.

Мы знаем множество примеров из советской практики, когда сельскохозяйственная техника простаивает без употребления, когда машины ржавеют под дождем, когда не обеспечивается их своевременный ремонт, поскольку колхозникам это совершенно безразлично. По сравнению с этим новая практика, которую мы наблюдаем сейчас в Китае, производит особенно благоприятное впечатление.

Не следует также забывать, что нынешние китайские ру-

ководители остаются, в принципе, марксистами. Но они оказались достаточно реалистами, чтобы признать, что иного способа поднять благосостояние страны им не дано. Они признали бессмысленность как насильственной коллективизации, так и попыток мобилизовать крестьянство на интенсивный труд без предоставления ему эквивалентных экономических выгод. Крестьянство должно стать на ноги, укрепить свое благосостояние, научиться рационально хозяйствовать на уровне модернизации. Лишь после этого может быть поставлен вопрос о выработке новых форм кооперации и сотрудничества. Так, очевидно, думают нынешние китайские руководители.

Фактически, насколько можно судить, это сейчас в Китае уже и происходит.

Продолжают ли китайские крестьяне работать в коллективном хозяйстве, уделяя своему частному хозяйству лишь известную долю оставшегося времени? Ведь, если это так, можно было бы сказать, что в Китае в большей или в меньшей степени сохраняется система, которая практикуется в Советском Союзе, когда крестьяне обязаны работать в колхозе, но имеют также право и на приусадебные участки.

Пожалуй, я не решусь дать вам совершенно точный ответ. В китайской печати об этих деталях не так уж много пишут, и я собираюсь продолжить свои исследования на месте. Насколько мне представляется, есть существенная разница между советскими приусадебными участками и единоличными хозяйствами, какие развиваются сейчас в Китае. Единоличное хозяйство выполняет обязательные поставки и выплачивает ренту за пользование землей. Выполнив свои поставки, которые, надо сказать, в Китае существенно снижены по сравнению с советскими колхозами, и уплатив ренту, китайский крестьянин может распоряжаться произведенным продуктом целиком и полностью свободно, по своему собственному усмотрению. Труд единоличника на арендованной им у коллективного хозяйства земле становится в Китае основной формой сельскохозяйственного производства. А приусадебные участки в Советском Союзе существуют лишь для того, чтобы как-то компенсировать колхозника за его работу в коллективном хозяйстве, которая ему невыгодна.

Но важно помнить, что земля в Китае в принципе продолжает принадлежать коллективным хозяйствам. Крестьяне ее лишь арендуют на определенный срок. В этом смысле земля, как средство производства, продолжает оставаться в коллективной собственности. Правда, дополнительно к этому китайский крестьянин имеет теперь право приобретать в свою личную собственность другие средства производства, — например, маленькие тракторы такого типа, каким пользуются сейчас крестьяне в Японии и в Южной Корее. В Китае налаживается производство таких тракторов специально для продажи единоличникам.

Но тут мы затрагиваем уже другую серию вопросов, связанную с реформами в китайской промышленности. Одна из задач этих реформ, которые начались несколько позднее, чем в сельском хозяйстве, состоит в том, чтобы удовлетворить потребности быстро богатеейшей деревни. Но и это тоже осуществимо лишь при условии, если и на промышленных предприятиях будет допущено больше гибкости: лишь тогда можно будет успевать за развитием разнообразного спроса.

Прежде чем двигаться дальше, я попросил бы вас сравнить современные реформы в Китае с НЭПом, который, как известно, был введен Лениным в начале 20-х годов. Ведь такая параллель напрашивается сама собою.

В 20-е годы земля в Советском Союзе юридически принадлежала государству, но крестьян это мало заботило. Они вели себя как полновластные хозяева, — во всяком случае, в период расцвета НЭПа. Степень проникновения государства и партии в деревню была невелика. Советы были в деревне слабы, членов партии среди крестьян было мало, а те, кто вступал в партию, часто оказывались кулаками, которые не испытывали слишком уж большого энтузиазма по поводу построения социализма в деревне. Фактически контроль над русской деревней сохранялся за традиционной общиной, с которой советам было трудно конкурировать.

Все это и определяет очень существенные различия обстановки, при которой был введен НЭП, с современной ситуацией в Китае.

Позиции партии в деревне прочны. Продолжают существовать и коллективные хозяйства, и местные органы коммунистической власти, и партийные организации. Вероятно, в связи с проведением реформы они сталкиваются с серьезными трудностями, но позиции коммунистического государства в Китае никак не назовешь слабыми. Часто об этом забывают, но, по-моему, это очень существенно. Что бы ни делали китайские крестьяне, их поведение все еще регулируется решениями сверху.

По-видимому, те формы, которые приняла коллективизация в Советском Союзе, в какой-то мере объясняются тем, что большевики чувствовали свою слабость перед лицом крестьянства. Тут не обошлось, конечно, и без паники, и без преувеличенных страхов, но конечная причина — вероятно, в этом. В 1927 году крестьянство отказывалось продавать хлеб государству. Этот отказ, надо сказать, был вполне оправдан: цены на сельскохозяйственные продукты были непомерно низки по сравнению с ценами на промышленные товары, предлагаемые государством. К тому же крестьяне сами нуждались в зерне, чтобы кормить скот. Однако, Сталин усмотрел в этом политическую угрозу. В результате — разгром крестьянства.

В современном Китае — ситуация совсем иная. Там насильственная коллективизация — это уже пройденный этап, а ее тяжелые последствия открыто признаны самими коммунистами.

Хорошо. Давайте теперь вернемся к реформам в китайском сельском хозяйстве. Есть ли в них еще какие-нибудь аспекты, которые вы считали бы необходимым отметить?

Да, в этих реформах есть еще одна сторона, которая представляется мне важной. Помимо высокой степени свободы, которая предоставлена теперь китайским крестьянам в обработке земли и пользовании ее плодами, в Китае всячески поощряются другие формы крестьянской хозяйственной предприимчивости. Крестьяне пошли в бизнес. В Китае сейчас повсюду можно слышать и читать лозунг, который был типичен и для Советского Союза в 20-е годы: „Учитесь торговать!“ Используя появившиеся у них теперь свободные деньги, крестьяне открывают маленькие мастерские, развивают местные промыслы, которыми обслуживаются и местное население, и горожане. В городах

крестьяне вкладывают деньги в сферу обслуживания, неудовлетворительное состояние которого типично для обществ, построенных на принципах марксизма-ленинизма.

Надо сказать что китайские крестьяне, — быть может, в отличие от русских, — обладают вековой привычкой к частному предпринимательству, сформировавшейся на основе длительного существования частной собственности в китайской деревне. Все это было, конечно, задавлено коммунистической революцией. Но теперь китайское руководство старается раскрепостить всю эту сдавленную энергию и инициативу, использовать ее в интересах благосостояния всей страны.

В результате сельскохозяйственной реформы доходы крестьян уже сейчас выросли вдвое. Эти средства они теперь сами вкладывают и в развитие сельского хозяйства, и в развитие мелкой промышленности, и в сферу услуг. Государство избавляется, таким образом, от тяжелого бремени капиталовложений в эти области хозяйства, которое до сих пор лежит, например, на советской экономике. Прямая личная заинтересованность крестьянства — лучшая гарантия, что эти средства не будут брошены на ветер, как это случается, опять-таки, в Советском Союзе. Так что тут есть достаточно здравый расчет.

Обращение китайского крестьянства к деловой активности представляет собою, таким образом, существенную особенность проводимых в Китае реформ.

Правда, эти новые тенденции наталкиваются на противодействие местной бюрократии, которая по застарелой привычке стремится либо изъять у крестьян их доходы, либо насильственно навязать им себя в партнеры. Так что сейчас в Китае появляется своего рода „бюрократический капитал“, что, конечно, в планы реформы не входит.

Но так или иначе, крестьянам предоставлена теперь в Китае возможность везти и продавать свои товары, где они сочтут это для себя выгодным, открывать постоянные дворы, парикмахерские — вообще разные предприятия, ориентируясь при этом исключительно на существующий спрос.

Но не представляет ли собою все то, что вы описываете, явное отступление китайских коммунистов, и возвращение к капитализму?

Да, этот вопрос, — и надо сказать, с достаточными основаниями, ставится постоянно. Но ответить на него нелегко.

С одной стороны, частное предпринимательство, частная экономическая инициатива — все это мы привыкли связывать с капиталистической системой. Но, с другой стороны, китайские коммунисты по-прежнему остаются у кормила власти. Китайская экономика остается плановой, а государственный контроль сохраняется повсеместно. Так что если там и возникают элементы капитализма, они со всех сторон окружены ограничениями.

Многое здесь зависит от того, в каком направлении и как далеко пойдут реформы в промышленности, которые, как вы знаете, были начаты в Китае значительно позднее, чем в сельском хозяйстве. Как далеко они пойдут, пока неизвестно. Вероятно, сейчас сами китайцы этого еще не решили. Трудно сказать, в какой степени промышленные предприятия смогут действовать в будущем как самостоятельные социалистические единицы без прямого руководства из центра. Многие наблюдатели высказывают сомнения относительно такой возможности.

Мне представляется вероятным, что в конечном счете в Китае сложится некоторая система смешанной экономики, в которой будут допущены известные элементы капитализма, но отнюдь не капитализм в полном его масштабе. Последнее — маловероятно. Но, надо сказать, однако, что в последние годы Китай преподносит нам много сюрпризов и можно предположить, что в его развитии могут оказаться неожиданные повороты и в будущем. Что мы там пока что наблюдаем, так это неуклонное движение от одних нововведений к другим. Ведь в самой реформе есть своя внутренняя логика: если вы говорите А, то приходится сказать и Б; если вы хотите развязать хозяйственную предприимчивость населения, придется в конце-концов убрать запруды, которыми до сих пор оставались перегорожены каналы торговых отношений. Только при условии, что это будет сделано, можно заложить основы жизнеспособных коммерческих отношений между городом и деревней. Но это же, повторяю, предполагает гораздо более независимую промышленность. Таким образом, имеет место цепная реакция реформ, конечный результат которой я сейчас предсказывать не берусь.

Так что на вопрос о том, идет ли Китай к капитализму,

я бы ответил — „нет“; однако, после этого я бы прибавил „но...“

Может быть, проблема станет несколько яснее, если выяснить, какие перемены произошли в порядках китайской торговли — как внутренней, так и внешней?

Что касается внутренней торговли, то ее свобода непрерывно возрастает. Совсем недавно я прочел в китайской печати предложение об отказе от налагаемых на крестьянство обязательных поставок: зерна теперь производится так много, что государству нет смысла его заготавливать. Таким образом, сфера торговли переживает процесс либерализации. Люди получают возможность торговать, как им представляется выгодным, конкурируя при этом и с государственными магазинами, предлагая потребителю товары более высокого качества при более высоком уровне обслуживания. Впрочем, достичь этого нетрудно, поскольку государственная торговля, государственные услуги в марксистско-ленинских государствах славятся своим убожеством.

Я думаю, что китайское общество будет двигаться в направлении, которое уже наметилось в сфере торговли, все дальше и дальше. Фактически, это — непереносимое предварительное условие успеха всего комплекса предпринимаемых в Китае реформ сельского хозяйства.

Что касается внешней торговли, то коммунистический Китай интенсивно расширяет сейчас свои международные связи, хотя весь его внешнеторговый оборот на сегодняшний день равняется приблизительно 40 миллиардам долларов. Если сравнить с этим хотя бы размеры одной только советско-японской торговли станет ясно, какой длительный путь предстоит Китаю пройти в этом направлении.

Но и в этой сфере допускается сейчас бóльшая свобода иностранных капиталовложений внутри страны. Называют это в Китае политикой „открытых дверей“, хотя фактически действия иностранных предпринимателей там еще сильно регламентированы. Внешнеторговые операции осуществляются исключительно через Министерство внешней торговли и международного экономического сотрудничества. Китайское руководство очень боится утратить контроль в этой области прежде всего

из-за угрозы непомерного роста государственного долга. В прошлом Китай пережил тяжелый период зависимости от иностранного капитала. Китайцы не забыли унижительность тогдашнего своего положения и поэтому их цель теперь — во что бы то ни стало сохранить сбалансированность своего бюджета.

Реформы в китайской деревне начались в 1978 году и, следовательно, с тех пор прошло уже больше семи лет. Можно ли подвести некоторые итоги? Насколько успешными оказались эти реформы?

Успехи китайского сельского хозяйства за этот период, несомненно, впечатляют. Сельскохозяйственное производство росло более интенсивными темпами, чем в любой другой период после прихода к власти коммунистов в 1949 году, или даже в любой другой период за все XX столетие, поскольку Китай много лет страдал и от гражданской войны, и от войны с Японией. Сельское хозяйство Китая росло после начала реформ приблизительно на 7,5% в год; производительность труда выросла в целом приблизительно на 46%; доходы крестьян, как я уже говорил, удвоились, хотя их, конечно, нельзя считать высокими по международным стандартам. В китайской деревне появились уже крепкие хозяева, которые, например, способны нанимать добавочных работников. Увеличилось, несомненно, и количество продовольствия и других товаров, которые доставляются из деревни в город. Так что горожане перестали целиком зависеть от пустых полок государственных магазинов, как это было прежде. Всегда, круглый год есть возможность пойти на рынок, чтобы купить там свежие овощи и фрукты?

Круглый год?

Конечно. Ведь крестьяне в Китае могут теперь свободно торговать по всей стране. В Советском Союзе было бы то же самое, если бы, скажем, грузинские крестьяне свободно возили бы апельсины в северные города не в чемоданах пассажирскими рейсами самолетов, а вполне легально — так, как провозятся государственные грузы. Я не вполне уверен насчет китайского Северо-Востока, где климат очень суров, но на остальной терри-

тории такие продукты достаточно доступны. Я думаю, что господин Архипов имел возможность убедиться в этом лично, когда он побывал в Китае в декабре прошлого года.

Можно ли, по вашему мнению, считать, что продовольственная проблема решена в Китае полностью?

Китай — страна очень обширная, густо населенная, отличающаяся большим разнообразием условий в разных районах. Поэтому я не решился бы ответить на ваш вопрос однозначно. Осенью прошлого года Генеральный секретарь компартии Китая Ху Яобан сказал в одном интервью, что приблизительно для 16 миллионов не только пища, но и одежда все еще остается нерешенной проблемой. Это относится к населению отдаленных горных районов страны — например, в провинции Сычуань. Но в целом было бы справедливо признать, что китайцы живут сейчас намного лучше, чем семь лет тому назад. Для страны, в которой недоедание было хроническим, — это, конечно, чрезвычайно важно.

Вы говорили, что продовольственные товары появились в Китае в изобилии, но не в государственных магазинах, а на рынке. Однако, как известно, в Советском Союзе, где тоже на колхозных рынках можно купить почти любой продукт и достаточно высокого качества, цены настолько высоки, что люди среднего достатка не могут там регулярно покупать мясо, молочные продукты, овощи, фрукты. Как обстоит с этим дело сейчас в Китае?

Я не могу сейчас привести цифры и назвать конкретные цены. Но я бы высказал такое общее соображение. Цены на рынке определяются соотношением спроса и предложения. Непомерно высокие цены на продукты питания на колхозных рынках в Советском Союзе вызваны, очевидно, недостаточностью предложения, тем обстоятельством, что продуктивность приусадебных участков советских колхозников далеко отстает от существующего в стране спроса. Но в современном Китае продукты питания производятся индивидуальными крестьянски-

ми хозяйствами в изобилии. Поэтому и разрыва между спросом и предложением там больше не существует, а, следовательно, и цены на рынках должны были снизиться.

Как можно оценивать сельскохозяйственные реформы в Китае, если сопоставить их с опытом в этой области других коммунистических государств, включая сюда и страны Восточной Европы, и Советский Союз? Что сейчас в Китае действительно ново в этом отношении?

Деколлективизация была проведена в нескольких странах Восточной Европы — в Югославии, Польше и Венгрии. Но, насколько мне представляется, наихудшим образом роспуск коллективных хозяйств был проведен в Польше. Польские коммунисты сумели скомбинировать наихудшие стороны и социализма, и капитализма. Частные хозяйства польских крестьян оказались под жестким давлением государства. У них нет ни техники, ни удобрений — вообще почти ничего, что требует вкладов капитала в сельскохозяйственное производство. Отсюда — и дефицит продовольствия, и высокие цены на сельскохозяйственные продукты, а в итоге — хроническая нестабильность польского общества и государства. В Венгрии мы наблюдаем совсем другое. Там, по всей видимости, найдено достаточно удачное сочетание коллективных и индивидуальных хозяйств. Насколько я могу судить по тому, что я читал, — ибо я не могу считать себя специалистом в этой области, — коллективные хозяйства в Венгрии сохранены, но система там такова, что индивидуальным крестьянам стало выгодно поддерживать деловые отношения с коллективными хозяйствами ради их личных интересов.

Если вернуться к Китаю, то там процесс декollektivизации пошел по другому пути. Там — ориентация на развитие индивидуальных крестьянских хозяйств. С формальной точки зрения, это больше похоже на югославский или польский путь, в отличие от венгерского. Но китайские коммунисты повели себя гораздо более логично и смело. Если вы хотите, чтобы хозяйства единоличников стали действительно производительны, недостаточно обеспечить им возможность проявить инициативу

при сельскохозяйственных работах, — надо пойти дальше, — в частности, обеспечить им свободные условия торговли. В том, что китайские коммунисты пошли на это — секрет их успеха.

Что же касается Советского Союза, то там, как вы знаете, ведутся длительные эксперименты и дискуссии вокруг так называемого „звена“. Идея, собственно, та же самая, что и в Китае: положиться на инициативу маленькой группы, которая будет непосредственно заинтересована в росте производительности своего труда. До ориентации на единоличное хозяйство тут, конечно, еще далеко. Само слово „единоличник“ в советском словаре еще с 20-х годов сохраняет негативную окраску. Но проблема состоит в том, что если вы организуете „звено“, которое ответственно за производство определенного продукта, но не предоставляете ему никакой инициативы в приобретении всего того, что нужно для производства, — удобрений, машин, бензина, запасных частей и так далее, — когда все это поставляется не вовремя, — тогда никто не хочет брать на себя ответственности, а „звенья“ распадаются.

Главная проблема в Советском Союзе состоит, на мой взгляд, в том, что любой тип сельскохозяйственной реформы не может быть проведен в одной только деревне, не распространяясь при этом также и на систему торговли и промышленности. Только при этом условии можно обеспечить как большую эффективность капиталовложений в сельское хозяйство, так и рост его производительности.

Недавно мне довелось обсуждать все эти проблемы с советским специалистом по Китаю. Он сказал: „Да, это все очень хорошо — то, что сейчас делают в Китае. Но у нас сельское хозяйство гораздо лучше оснащено, чем у них. Как быть со всеми тракторами и прочей техникой, которая используется сейчас в советском сельском хозяйстве, в чьи руки ее передать?“ Но я могу на это возразить, что у нас в Соединенных Штатах, на фермах Среднего Запада используется на базе индивидуальных фермерских хозяйств самая совершенная сельскохозяйственная техника и агрокультура. Поэтому можно считать, что трудности, которые испытываются сейчас в советском сельском хозяйстве, — вовсе не технического, а социально-политического свойства.

Остается еще один и, на мой взгляд, очень существенный вопрос: как, после всего пережитого может довериться нынешним реформам рядовое китайское население и, в частности, крестьянство? Где у него гарантия, что вместе с очередной сменой руководства не переменится и политика, что все заработанное и накопленное не отберут?

Мне кажется, вы коснулись самой сердцевины проблемы, того движущего механизма, который стимулирует нарастающие темпы проводимых в Китае реформ. В Китае есть страх перед пятным движением. Неустойчивость нынешнего положения там осознается и учитывается. Это, по-моему, подстегивает реформаторов. Они стараются сделать проводимые перемены необратимыми. Тем самым они завоевывают и доверие населения.

Успехи, которые достигнуты ими, до сих пор не подлежат сомнению. Но чтобы продолжать в том же направлении, становится все более насущной задача замещения кадров. Одним из дефектов эпохи Мао было то, что тогда не происходило обновления руководящих кадров. Кто достигал высоких постов, тот и оставался на них бессрочно. Теперь в Китае проводится замещение кадров сверху до низу. Например, были смены все первые секретари парторганизаций на крупных предприятиях. Фактически в Китае к власти пришло новое руководство.

Есть также в Китае страх городского населения перед неизбежным, в связи с ее рационализацией, изменением структуры цен. Оно боится инфляции, которая еще памятна в Китае для тех, кто пережил опыт 40-х годов. Прежняя коммунистическая система так или иначе обеспечивала стабильность цен. Поэтому когда в октябре был опубликован основной документ о начале реформ в городе, в промышленности, среди населения Пекина и, очевидно, многих других китайских городов явно возникла паника.

Есть и страх работников государственных предприятий перед возможностью безработицы. Надо сказать, что и сейчас в Китае существует проблема безработицы среди молодежи. Но, в основном, рабочие и служащие государственных предприятий привыкли, как и в других коммунистических странах, не бояться за свои рабочие места. Введение рыночных механизмов

принесет с собою, конечно, динамику экономического развития, но вместе с тем и закрытие нерентабельных предприятий, а, следовательно, и безработицу.

Китайцы, конечно, довольны, что условия их жизни теперь заметно улучшились. И теперь целиком зависит от лидеров вновь добиться доверия страны. Это накладывает свои ограничения и на проводимые сейчас реформы. Например, проведение реформ предполагает и определенные жертвы, — в частности, повышение цен. Но китайское правительство не может на это пойти, если оно не хочет навязать себе проблемы, какие наблюдаются сейчас в Польше.

И мой последний вопрос: какую пользу для себя может извлечь из китайского опыта Советский Союз?

Советское руководство внимательно изучало опыт венгерских реформ. К этому призывал еще Брежнев. Однако, ни к чему практическому это не привело. Тогда в Советском Союзе решили, что перенять венгерский опыт нет никакой возможности, поскольку, в отличие от Венгрии, Советский Союз — огромная страна. Но вот теперь перед ними коммунистический Китай — страна с населением в миллиард человек. Если реформы возможны там, трудно обосновать, почему на путь реформ не может стать и Советский Союз.

Вероятно, сейчас многое зависит от того, сколь успешными окажутся экономические нововведения в Китае, хотя все говорит за то, что они будут успешны. В таком случае Китай мог бы сообщить определенный стимул и Советскому Союзу.

Трудно, однако, себе представить, чтобы Китай был бы воспринят советскими руководителями как образец для подражания. Они настроены националистически и едва ли готовы учиться у Востока. Но как бы то ни было, факт остается фактом: Китай — очень большая страна и если там возможна реформа, становится все более непонятно, почему такого же рода реформа невозможна в Советском Союзе.